

Е. Кулагин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Кулагин

Морской узел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64051036

SelfPub; 2021

Аннотация

Что может быть интересного в командировке в отдаленный военный гарнизон? Направленный туда для проверки соединения кораблей офицер Управления из столицы погружается в серую жизнь жителей гарнизона. Пьянство, загулы, измены, прожигание жизни среди преступлений, убийств, воровства и коррупции. Но. Судьбы людей там связаны между собой. В один из узлов вплетается жизнь главного героя. Теперь он, его друг из Конторы, жертва маньяка, помощник из местного Управления, командир проверяемого корабля и его подчиненный, их подруги, жены и семьи связаны между собой и жизнь каждого зависит от решений и действий друг друга. Как правильно прожить жизнь? Легко ли совершить преступление? Как служить в прогнившей системе? Уходить ли от наказания? Может кораблекрушение изменить жизнь? Спасают ли измены? Существует ли любовь? Как выбраться из этого места? Морской узел тяжело развязать. Смогут ли герои сделать это? P.S. История вымышлена, реальные совпадения – сбой военной системы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	18
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгений Кулагин

Морской узел

1

Бесконечная череда деревьев, необозримые поля, мелкие речки и огромные озера поочередно мелькали за окном. Я, не вникая в эту чехарду пейзажей, сидел, облокотившись на стенку в одном из купе вагона поезда, чуть прикрыв глаза, и наслаждался тихим стуком железных колес о стыки рельс.

Служебная командировка появилась практически сразу после праздников, и если бы я не боялся летать на самолетах, то мне пришлось бы только сегодня выезжать. А так я уже сутки трясусь в вагоне поезда. И впереди еще столько же.

Люди, меняя друг друга, незаметно появляются во время стоянки поезда на вокзалах больших и маленьких городов, сидят, спят и разговаривают, и также незаметно исчезают. Мне кажется, что я один терплю эту поездку от начала и до конца. Хотя раньше, раньше я очень любил дальние поездки на поезде. Может это была вынужденная мера, поскольку учился я далеко от дома, и мне приходилось раз в полгода ездить по железным дорогам нашей страны. Ведь во время поездки можно было не только хорошо выспаться, обдумать все то, что произошло за последние полгода и запланировать

каждый день своего предстоящего отпуска, но и как следует насладиться тем, что ты один и никому ничего от тебя не нужно.

Хотя, были у меня пара поездок, когда попадались уж очень назойливые соседи, которых не отпугивало даже то, что я лежал с наушниками в ушах, отвернувшись от всех к стенке.

– Может чайку?

– Давай в карты с нами?

– Что-то ты такой не общительный.

– Слушай, со мной такая история приключилась.

К чему эти все беседы, знакомства, обещающие перерасти в дружбу? Желание как-то сократить время в пути, обсуждая все на свете, обсасывая одни и те же проблемы, замыкая в круг бессмысленные слова ни о чем? Или, может быть, выдумав невероятную историю своей жизни, очаровывая собеседника собой? А может, возможность выплеснуть на ничего не подозревающего спутника свои проблемы, погрузив его в тяжесть своей жизни?

В любом случае все, что происходит с тобой в жизни интересно только тебе самому. И заботит оно только самого тебя. И нужно ли об этом знать кому-то еще? Правда, бывают любители послушать, с радостью тратя свое время на чужие истории. Видимо судьба их притягивает друг к другу, соединяя в купе поездов.

В этот раз мне повезло как никогда. Один мой попутчик

– молодой паренек, который сошел пару часов назад и ставший для меня замечательным собеседником, за все время выдавивший из себя два слова: «здравствуйте» и «до свидания». Второй – старенький дедушка, который прямо на моих глазах невероятным образом заскочил на верхнюю полку вместе со своей палочкой и уже сутки даже не шевелится, лежит, обнимая ее, повернувшись к стене. Главное, чтоб живой там был. Приходится во время остановок прислушиваться, дышит ли он.

Я открыл глаза. За окном снова лес, дикий, перемешавший деревья, связав их в непроходимую живую стену, и, только стоит очередному полю оборвать лесную полосу, открывается бесконечная даль, немного пугающая своей безлюдностью, дикостью и одиночеством. Какое же множество территорий не подвластно, не освоено, не уничтожено человеком. Часто видны давно заброшенные дома, иногда покосившиеся, в основном без стекол и признаков жизни, одиноко стоящие у подножий лесов, вдали полей, вдоль озер и рек. Люди уходят из небольших деревень, оставляя за собой ветхую историю своих предков. Век урбанизации. Все хотят комфорта и развлечения больших городов.

Леса редеют, строений становится все больше, появляются дороги и признаки обитаемости. Вот и они, первые дома при въезде в очередной большой город. Чем дальше мы входим вглубь города, тем больше огоньков развеивают спадающие сумерки. Темные окраины сменяются освещением

центральных улиц, огнями больших магазинов и развлекательных центров. Из коридора слышу, что стоянка будет целых тридцать минут. Хороший повод прогуляться по перрону, покурить, вдохнуть морозный воздух неизвестного мне места.

Прогулка явно идет мне на пользу. Ноги затекли от отсутствия на них нагрузки. Тут довольно холодно, но я стойко держался на улице до самого отправления поезда. Людей немного. Немного желающих отправляться еще дальше к окраине страны. В основном по перрону расхаживали такие же, как и я – уставшие от поездки пассажиры. В наш вагон никто не вошел, уменьшая вероятность появления нового соседа по купе практически до нуля. Что не могло ни радовать меня. Мимо меня пару раз проносилась бодрая бабушка, на ходу активно предлагающая пирожки, мороженое, холодные пиво и воду. На удивление все холодное пользовалось спросом у пассажиров поезда.

– Давай заскакивай уже скорее! Сейчас тронется! – проводник громко окликнул меня.

Я залез в вагон и почти сразу поезд дал ход.

– Любите постоять до последнего, а потом бежите вдогонку, сопли раскидывая по пути!

– Это все с опытом приходит. Я обычно сначала высмор-

каюсь, а уж потом догоняю отходящий поезд.

– Очень смешно. Давай проходи уже.

Тепло вагона резко ударяет, обволакивая все тело согревающей негой, одурманивающее отбирает силы, заставляет поскорее скинуть куртку и сесть на свою койку.

Уже стемнело. Неудержимо манит лечь и заснуть, но сейчас только шесть. Несколько часов сна и привет бессонная ночь. Еще чуть-чуть потерпеть. Поезд набрал ход и довольно быстро вынырнул из горящего света города в черную гущу ночи. На небе ни облака, но луна еще молода – толком не освещает. Все смешалось в темноте.

Нужно продержаться пару часов. Иду к проводнику и заказываю кофе.

– А можно чуть ярче свет сделать?

– Это самое яркое, что есть.

Беру кофе. Ну, конечно же, оно налито в стакан, с металлическим подстаканником. Это классика. Классика, пережившая время и шагнувшая в будущее с далеких советских времен. Наверное, именно благодаря этому подстаканнику, на котором отчеканен локомотив, несущийся вперед, кофе в поезде имеет определенно одинаковый вкус. В разных поездах. В разных вагонах. У разных проводников. Это вкус дороги, ожидания и безмятежности.

Выхожу в тамбур. Достаю сигарету и подношу ко рту. Зажигалка. Огонь. Даже сквозь бесконечный стук колес и шум бряцающего металла на стыке вагонов отчетливо слышится

манящее шуршание начинающего тлеть от затяжки табака. Первая затяжка. Все внимание на это магическое шуршание, взгляд на секунду теряется вдали внутренних ощущений. Выдох.

Почему я курю? Почему люди курят? Зависимость? Возможно. Но, думаю что дело и именно в этом моменте, в моменте, когда ты отстраняешься от всего, отрешаешься в легкость безделья. Выдох. И глоток кофе. Воспетое клеше – кофе и сигарета. Кто не курил – не поймет. Кто курил – не забудет. Надо бы бросить. Говорят вредно. Только вот как это сделать?

Возвращаю проводнику пустой стакан и иду в свое купе. Оно открыто. На соседней койке сидит девушка в темной дубленке с пушистым мехом на воротнике и серой шапкой-ушанкой, развязанные уши которой почти полностью прячут ее лицо.

– Какая Ваша койка?

– Та, на которой матрас и расстеленное белье.

– Я так и думала.

Она встала и, повернувшись ко мне спиной, стала поднимать кровать, чтобы уложить свою небольшую сумку. Аккуратно опустила кровать на место и все так же стоя ко мне спиной начала снимать свою дубленку. Она развернулась в поисках вешалки и, выхватив ее с торца верхней полки-кровати, ловко накинула на нее дубленку, подвинулась ближе и потянулась повесить вешалку обратно. Уже закрепляя ее на

крючке, она взглянула на меня.

– Что Вы стоите? Проходите уже.

Я никогда не видел таких ярко-зеленых, безумно палящих глаз. Они словно обожгли меня своей необузданной дикостью, беспечной страстью и сумасшедшей силой притяжения. Курносый носик и довольно тонкие губы просто таяли от яростно-ослепительных глаз. Я никогда не робел и не стеснялся женщин, но сейчас. Сейчас она быстрым взглядом ввела меня в ступор замешательства.

– Что, мешаю?

Наивность молодости игриво отобразилась в ее глазах. Она не отрывала взгляд, словно пытаюсь понять меня. Понять, отчего я завис, глядя на нее?

Оттянула ушки шапки и медленно сняла ее. Ярко рыжие волосы беспорядочно выскользнули, растрёпано упали на ее плечи, густыми локонами скрывая лицо и глаза.

Я вырвался из плена и медленно стал протискиваться в купе. Она отступила, давая возможность, не прикасаясь к ней, сесть на свою койку. А сама резко затворила дверь и начала приглаживать волосы, рассматривая себя в зеркало. Улыбнулась, видимо ее позабавил вид взъерошенных волос.

Я пытался отвернуться к окну, но взгляд, словно магнитом тянуло к ней. Неистовое желание изучить ее. Каждый изгиб ее молодого тела. Ей явно чуть больше двадцати. Она повернулась и села почти напротив меня. И только сейчас я обратил внимание, что все ее лицо было усыпано веснушка-

ми. Ну конечно. Непременные спутники всех рыжих.

Чуть наклонив голову, она стала внимательно жечь меня своим изучающим взглядом. Минута? Две? Час? Сколько времени мне понадобилось, чтобы отвернуться и уставиться в окно, поняв неловкость ситуации. Она улыбалась, глядя на мое невыразительное лицо.

Любовь с первого взгляда? Никогда не верил в эту чушь. Желание и похоть – вот что первым импульсом идет в мозг. Обычно следующий импульс – влечение, подходит значительно позже. Если вообще приходит на смену первому. Я увлекся ею. Настолько быстро, что импульс похоти даже не успел возникнуть. Меня влекло к ней. Немыслимо. По крайней мере, я не сталкивался с такой силой влечения раньше.

– Я не собираюсь с Вами знакомиться.

– Что?

Я снова повернул к ней лицо и уже не так растеряно посмотрел на нее.

– Я не собираюсь с Вами знакомиться!

– Очень хорошо, спасибо.

Улыбнулась.

– И приставать с разговорами я к Вам не буду!

Улыбнулся.

– Да Вы меня балуете. Еще раз спасибо.

Тишина. Не могу отвести от нее взгляд. Немного прищуриваясь, наслаждаюсь ее неестественной красотой, уже не теряя рассудок. Я – снова я. Расчетливый циник. Слабости нет

места.

В купе входит проводник и проверяет ее билеты. Мы не отвлекаемся друг от друга.

– И беспокоить Вас я вовсе не хочу.

– Я уже понял. И откуда в Вас столько заботы к незнакомым людям?

Она замолчала. Молчание. Сколько оно длилось? Я снова отвернулся к окну, но, безусловно, чувствовал, что теперь она пристально изучает меня.

– Извините, Вы не могли бы мне помочь. Подать матрас. Я не достаю, высоко.

Как же просто женщина может мужчину сделать слабым. Еле сдержался, чтобы не подскочить с места. Медленно и аккуратно достал матрас и опустил на ее сиденье.

– Спасибо.

– Не за что.

Мы так и продолжили, сидеть молча. Каждый в своих мыслях. Глядя в темное окно пролетающего мимо времени.

Свет в купе вдруг погас, и загорелась тусклая лампочка ночного освещения. Время сна. Сна по требованию проводника. А ведь спать уже не хотелось. Не из-за кофе. Она продолжала молча сидеть, как будто прочитав мою нелюбовь к купейным знакомствам, сдерживала в себе свое желание по-

говорить. Я тоже сдерживал свое желание завести с ней разговор. Вопреки своим принципам очень хотел узнать, кто она?

Мне вдруг отчетливо ясно захотелось узнать о ней все. Влечение? Нет, думаю, я пропал.

– Извините.

Я вышел из купе и, прямо по пути доставая сигарету, направился в тамбур. Приятный холод обступил меня. Ритуал зажигания и, облокотившись на стенку вагона, начинаю медленно курить, бездумно глядя в темное замерзшее окно.

Мгновение, открывается дверь. Она, худенькая, в свитере и джинсах выскальзывает из вагона.

– Свои дома забыла. Угостите?

Достаю из кармана пачку и протягиваю ей.

– Да, пожалуйста.

Она неловко достает сигарету и, неаккуратно закрепив ее между двумя пальцами, притягивает к своим губам. Опытный курильщик уже только по этому может определить начинающего. Или вовсе не курящего.

– Можно огня?

– А нужно ли?

– Пожалуйста, можно огня?

Я подношу к сигарете зажигалку. Она затягивается. Моментально кашель отвергает ядовитый дым. Тушу огонь и жду, когда она окончательно откашляет из себя всю гадость сигареты.

– Для чего вы попробовали это?

– Ну, вы же курите.

Она стоит напротив меня. Ее глаза блестят в свете тусклой лампы тамбура, они наполнены слезами, вызванные кашлем. Лицо, такое вызывающе-дерзкое, вдруг стало таким отчаянно-нежным. Я наклонился к ней, пристально смотрю ей в глаза. Взволнованный вдох, она чуть прикрывает глаза.

Начинаю целовать ее. Она крепко обхватывает меня руками, неистово прижимает к себе. Сдержанно нежно беру ее голову в ладонь, стараясь слегка обуздать ее страсть, но. Поддаюсь этой нахлынувшей лавине желаний.

Я слабо помню, как мы перебрались в купе. И уж тем более не помню, было ли нам какое дело до нашего мирного соседа на верхней полке. Зато неизгладимо в памяти остались дикость страсти, ярость движений, невероятные попытки сдерживать свой крик. Это было безумие. Смесь отчаянного секса и невероятной любви. Именно любви. Вихрь урагана закрутил расплесканную маленькими каплями на протяжении всей жизни любовь в единый водопад, который выплеснулся на нас в одну, ту самую ночь.

Мы лежим на моей кровати. Она так и оставила свой матрас свернутым, вместе с не распакованным бельем. Ее голова на моей груди. Ее тело обвивает меня. Она будто избавившись от чего-то, мирно спала на мне. До сих пор я не мог спать с женщинами. Именно спать, позволяя им находиться со мной в одной кровати до утра. Разные предлоги чтобы

увильнуть от нелюбимого мной сонного сплетения.

Но сегодня. Сегодня я не хотел отрывать ее от себя. Она не просто моя. Она – это я. Как же я привык к ней. Всего пару часов, всего пара слов, но. Она – это я, это мое продолжение. Как быть без нее?

Утро неизбежно приближало нас к конечной станции. Проводник задолго до прибытия затеял шум, постепенно возвращающий всех жителей вагона к реальной жизни, вытягивая из сонного приключения ночи. Она открыла глаза.

– Твой взгляд. В тебе есть сила, даже когда ты обескуражен. Ты манишь меня, понимаешь?

– Да, понимаю.

Она вырвалась от меня и начала быстро одеваться. Глядя в зеркало, пыталась опять уложить свои неуклюже растрепанные волосы.

Куда полетело время? Я стараюсь насладиться каждым ее движением, поймать каждый ее взгляд. Она сквозь зеркало постоянно смотрит на меня, как будто пытаюсь запомнить.

Сверху закричал дед, намекая нам поторопиться. Я быстро вскочил и оделся. Как приучили в армии. Мы снова сели друг напротив друга. Молчание. Снова молчание!

Дед, словно десантник, приземлился сверху прямо в свои валенки, абсолютно не касаясь ногами нижних коек. Па-

ру раз стукнул палочкой по полу, вытащил со своей койки небольшую сумку, хмыкнул и похромал, опираясь на палочку, в тамбур. Привилегия выйти первым предоставляется тому, кто раньше ушел ждать.

Мы остались одни. Настырность моего взгляда рассеивалась, вдребезги разбивалась от неловкости ее печальных глаз.

– Может...

– Не надо, не провожай меня, пожалуйста.

Стук колес. Мы пытаемся запомнить друг друга.

Тишина.

Поезд остановился.

– Мне пора. Не прощаемся?

Она подмигнула мне.

– Не прощаемся.

Я улыбнулся. Она встала и выскочила из купе. Я не стал смотреть ей в след. Немного подождал и тоже направился на выход.

Раннее утро. Солнце только взошло, но снег, обгаренный лучами, ярко слепит глаза. Я стою на ступеньках вагона и осматриваю перрон. Вот она. Обнимает и целует кого-то. Счастлива. Счастлива? Не переставая обнимать, он ведет ее к выходу. Она мельком смотрит на вагон. Грустная, извиняющаяся улыбка. Предназначенная мне. Яркий отблеск кольца на безымянном пальце – тоже для меня. И когда она успела его одеть?

– Саня!!!!

Оборачиваюсь в другую сторону. А он совсем не изменился, такой же огромный, ушастый и непременно улыбающийся Леха.

Я спрыгнул на перрон.

2

Настя вышла из подъезда и засемила по свежему снегу, которым всю ночь небо густо посыпало маленький городок. Солнце оживленно переливалось миллионами ярких отблесков, заставляя ее то и дело жмуриться. Она никуда не опаздывала, но все равно спешила. Спешила поскорее проскочить двор, быстрее сесть в автобус и уехать в соседний Большой город. Там она может затеряться в толпе, быть одной из сотен, тысяч незнакомых друг другу людей. Последнее время она старалась меньше появляться на улице, чтобы не встретить никого из знакомых. А если и выходила, то лишь чтобы отправиться на ненавистную, но, жизненно важную работу.

Она старалась неброско одеваться, чтобы лишний раз не привлекать внимание соседей, проходящих мимо людей. Не привлекать внимание мужчин. Как же она их ненавидела. Серые, расписанные завитками разноцветных цветов, сапоги, потрепанные темно-синие джинсы, надетые на теплые колготы, толстый одутловатый, растянутый шерстяной свитер, под безразмерной курткой, огромный шарф и некрасивая черная шапка, натянутая почти до самых глаз с легкостью скрывали ее, незаурядную удивительно красивую молодую девушку, от неизменно противных для нее блудливых мужских взглядов. И действительно, ей с легкостью удалось спрятать в бесформенную одежду свою поразительно строй-

ную фигурку, манящую сексуальностью своих форм. Шарф, скрывавший половину ее лица, не давал шанса никому насладиться необычным по красоте лицом, с небольшим аккуратненьким носиком и невероятно красивыми губами. Лишь милые разительные голубые глаза были доступны для окружающих. Но, взгляд был тусклым, серым, отстраненным, абсолютно рассеянным в пространстве.

Да, так получилось, что ей пришлось устроиться работать именно туда. Сразу после школы поступить в институт не удалось. Туда, куда она хотела поступать – не было денег. Туда, куда ей можно было поступить, видимо, не было желания. К сожалению, помочь ей особо никто не пытался, да и не кому было. Родителей уже давно не было в живых, а Марина так безоглядно была занята обустройством своей личной жизни, что не замечала проблем своей младшей сестры. Да, собственно, ей никогда не было до них дела. Как и никому вокруг.

Настя вышла из двора к дороге и пошла по направлению к остановке. Уже почти подойдя к ней, она встретила с идущей навстречу бывшей классной руководительницей Ольгой Владимировной. Узнает или нет? Узнала. От Ольги Владимировны не спрячешься. Настя это хорошо знала, помнив, как легко она замечала и ловила их, еще школьников, прячущихся по дворам и украдкой от всех курящих, или же прогуливающих уроки в толпе посетителей единственного в их городе кинотеатра.

– Привет Настенька!

– Здравствуйте, Ольга Владимировна

Настя оттянула с лица шарф и приветливо улыбнулась бывшей учительнице.

– Слушай, ты единственная со всего класса, о ком после выпуска я ни разу не слышала. Как ты?

– Да вроде все нормально, Ольга Владимировна.

– Поступила? Где ты сейчас учишься?

– Да, поступила. На технолога.

– Ну вот, видишь! Я же тебе говорила, что тебе пригодится мой предмет!

– Да, спасибо Ольга Владимировна. Я это уже поняла.

– И как учеба, нравится?

– Конечно. Вот сейчас как раз еду в Большой город. У меня пары.

– Тогда не буду тебя отвлекать. Давай, беги уже скорее.

– Хорошо, до свидания, Ольга Владимировна.

– Да, до свидания!

Настя побежала к остановке, снова натянув шарф на лицо. Там как раз подходил автобус. У них в городе автобусы шли всегда в единственном направлении – автовокзал Большого города.

– Настенька!

Она обернулась, приспустив шарф.

– Настюшь, не забудь, у нас через неделю встреча выпускников. В школе. Приходи обязательно.

– Хорошо, Ольга Владимировна!

Настя заскочила в автобус. На удивление он был не заполнен, как обычно, и ей без проблем удалось сесть на одно из нескольких свободных мест. Она повернула голову к окну и смотрела на пролетающие мимо дома, улицы, магазины, людей, скверы. В глазах туманно мелькали неизменные и до безразличия знакомые места. Вот автобус обогнул центральную площадь, объезжая их главный городской памятник-мемориал воину-победителю, и устремился по прямой в сторону контрольного пропускного пункта, являющегося официальным местом въезда и выезда из их военного городка.

Недолгая остановка. Дежурившие пограничники проверяют документы на наличие местной прописки, либо документы, разрешившие въезд в город. Такова особенность закрытых военных городков. Любой въезд не проживающего в городе человека должен быть обоснован и скреплен разрешающей бумажкой. Будь то оформленный временный пропуск или командировочные документы.

Автобус остановился возле забора и, пока проходила проверка, Настя отвела свой взгляд от окна и стала украдкой изучать находящихся в салоне автобуса людей. Два молодых парня, активно что-то обсуждающих, один из которых так жестикулирует руками, словно дирижер оркестра, постоянно задевая стекло аварийного выхода – явно студенты, ехавшие на учебу в один из институтов их соседнего Большого города. Бабушка, повязанная в шерстяной платок, потеряв-

но смотрящая куда-то вдаль – наверняка едет в город решать свои какие-то социальные проблемы. Девушка, вызывающе накрашенная, одетая, несмотря на морозную погоду в легкую кожаную курточку и плотно обтягивающие черные атласные брючки – свидание, или встреча-знакомство. Мужчина, угрюмо смотрящий мутными уставшими глазами в окно, напрочь лишенный движения, как будто оберегая каждый джоуль энергии своего организма – бесспорно один из портовых рабочих Большого города. В углу взрослая женщина, ярко накрашенная, неброско одетая, озорно стреляющая маленькими глазками по салону – точно одна из продавщиц больших гастрономов. В хвосте автобуса – молодой парень, с невыразительным взглядом, упершимся куда-то в пол автобуса, прямо в растаявшую от снега слякоть, в потрепанной одежде, озлобленным недовольством серым лицом, нервно сжимающий свои руки в замок сплетения пальцев. Его лоб сморщен, от играющих в голове мыслей.

Это он. Настя узнала его. Он один из тех. Один из них. Это он, он, он.

Настя отвернулась к окну. Хотя, в этом ее наряде, с шарфом, она словно в маске, он вряд ли узнает ее. Вряд ли вспомнит ту, которой он поломал жизнь. Он, тот, кто изменил ее, кто дал понять: мир окружен злом и лишь возможность избежать столкновения с ним – есть истинное добро. Именно он помог ей разочароваться в жизни.

Это был один из последних их совместных вечеров перед выпуском из школы. Настя, две ее лучшие подруги и четверо их друзей-мальчиков. Они были всегда вместе и даже получили прозвище в школе – «неразлучники». Их объединяла безрассудность присущая молодости, независимость духа и единение мысли. Они прекрасно дополняли и независимо от ситуации помогали друг другу. Идеальная школьная дружба.

Настя была самой тихой из них. Она была ограничителем, надзором, останавливающим все выходящие за рамки правил морали и этики начинания их компании. Милая тихоня. Совесть «неразлучников».

В тот вечер они собрались у одной из ее подруг. Квартира большая, с тремя комнатами, довольно уютно обставленная. Естественно, все сделано предусмотрительно – взрослые отсутствовали. Зато присутствовал алкоголь. Решено было отпраздновать приближавшееся окончание школы «по-взрослому».

Стол не был загружен различными блюдами, сопровождающими застолье взрослых. Нарезки колбасы, сыра, пару купленных в магазине на сэкономленные деньги салатиков, остатки еды из холодильника, пару литров сока. И, самое главное – алкоголь. Они ведь уже взрослые.

Настя, как основа нравственности, как самая неиспорчен-

ная и невинная, пыталась возразить начинаниям своих друзей, но под убаюкивающие слова подруг волей неволей поддалась и погрузилась в бесшабашное празднование перехода во взрослую жизнь. Знать бы тогда, насколько взрослой станет ее жизнь в тот вечер.

Ни разу не пробовавшая алкоголя, она быстро захмелела. Но, под озорные крики своих друзей, продолжала подражать подругам и пить еще и еще. Она знала, что она – единственная из них еще ни разу не пробовала алкоголь. Она знала, что она – единственная из своих подруг, очень любивших похвастать своими приключениями, осталась девственницей. Только она совсем не догадывалась, что ее лучшие подруги, ее девочки, или как они друг друга называли «сестры», в глубине души завидовали ей. Такой невинной. Такой здравомыслящей. Такой неиспорченной.

То, что не замечала она, замечали ее подруги. Мальчикам нравятся доступные девочки. Но влюбляются они в непорочных, освященных ореолом честности и чистоты. Настя не заметила, как своим поведением влюбила в себя не только парней своей компании, но и парней выпускных классов школы. По своей наивности она не воспринимала ухаживания и комплименты мальчиков как что-то серьезное. Она даже не могла представить, что кружащие вокруг нее парни, бесперебойно дерущиеся за школой и во дворах, рассчитывали получить ее благосклонность, ее взгляд, возможность хотя бы держать ее за руку. Вероятность многозначительно утвер-

дить ее в статусе своей девушки.

Нет. В ней некому было воспитать чувство, что она нужна кому-то. Ее воспитали быть честной, искренней, чистой. Быть верной, но никак не ценной для кого-то, ее не научили уметь чувствовать неподдельное влечение к себе со стороны другого человека.

Зло окутывает каждого. Только лишь образуется брешь в душе – оно проникает, заполняя ее источающей ненавистью субстанцией, неугомонно бурлящей и срывающей человечность. Взрыв негативной энергии бьет по остаткам души и заставляет совершать поступки, вызывающие отвращение. В тот вечер, такой чистой и невинной девочке, близкие подруги приготовили дикое испытание.

Настя быстро потеряла понимание происходящего и под убаюкивающие соблазны подруг была положена в соседней комнате на большую родительскую кровать. Но. Вечер продолжался. И «сестры» разыграли свой запланированный спектакль по развращению непокорной.

Она не знала, как они сделали это. Чем они прельстили, каким образом заставили их сделать это, но. Но, пока она лежала пьяная, абсолютно беспомощная, такая доступная, ее друзья, эти верные дружбе парни по очереди поимели ее. Ободряемые наставлением подруг, они друг за другом заходили к ней, спящей, и злобно, вседозволенно трахали ее. Ну конечно, она ведь такая недоступная. Такая правильная. На тебе, сука. От любви до ненависти. Молодость беспощадна.

Она умеет незабвенно, неподражаемо любить и также коварно, жестоко разрушать. Они сломали ее.

Пробуждение было. Было ли пробуждение? Она, словно окунулась в бесконечный обжигающий круговорот отчаяния. Что впереди? Разве имеет значение? Где все. Кто-нибудь? Помогите!!!

Невыразимая тишина пьяных тел. Они даже не решились ей сказать обо всем. Притворились мертвыми. Скидывая все на алкоголь, срубивший их. Она, шатаясь, брела по квартире в поисках своих вещей. Между ног необъяснимо зудело обжигающей болью. Хоть бы дойти. Где куртка. Сапоги. Одеваюсь.

Она словно отдавала себе команды, которые хоть немного позволяли двигаться в реальной жизни. Хотя, двигаться не хотелось. Мир перевернулся. Что делать? Кому рассказать? Засмеют. Скажут, сама хотела! Сама виновата! Станут обзывать шлюхой! Но, ведь! Ведь я не такая! Я не хотела! Это все они!!!! Кому рассказать? Что делать? Сестре? Марина засмеет! Не поверит! В милицию? Доказательства, точно! Они ведь наверняка. Они наверняка. Как же стыдно. Я ведь сама напилась! Скажут, сама раздвинула! Нет, нельзя. Нельзя. Везде не поймут! Никто не поймет! Молчать. Выход – молчать! Господи, хоть бы никто не узнал. Никто не узнал о моем позоре!

Обувь одета. Шатаясь, выползаю из этого обратившегося в ад рая. У меня нет друзей! Нет! У меня нет никого! Я одна!

Я одна! Никто не поможет мне! Что делать! Боже, как же так?! Как же так, почему я?! Что делать?

Твари! Как же я их ненавижу! За что они так со мной? Мы же были. Суки, чтоб вы все сдохли. Гореть вам всем в аду – Ааааааааааааа!

Она закричала и упала на пол, между вторым и третьим этажом. Слезы полились из глаз. Безысходность, отчаяние. Конец. Это все. Жить дальше? Как?

– Ты че орешь?

Какой-то старикашка вылез из своей квартиры.

– А ну пошла на хер отсюда! А не то милицию вызову!

– Да, простите, я уже уйду.

Слезы лились по ее щекам, она медленно поднялась, опираясь на обшарпанную исписанную похабностями стену подъезда, и так же медленно, шатаясь, начала спускаться вниз.

– Вот шалава, – услышала она возмущенный возглас в спину и следом звук закрывающейся двери, нервно защелкивающейся на все замки.

Что было потом? Она не помнила. Выпускной? Его не было для нее. Сестра силком выгнала, нарядив ее в мамино платье. Шептались ли у нее за спиной? А разве теперь для нее это имело значение? Она ушла, самая нежная непокорная и любимая девочка школы. Ушла не из школы. Не во взрослую жизнь. Ушла от себя. Ушла из нее, из жизни.

Автобус тронулся, и, разогнавшись, оставил ее размышления на контрольном пропускном пункте. Она снова абстрагировалась, оставив вакуум своим мыслям. Ничто не должно тревожить ее одиночества. Она только сама для себя. Сама в себе.

Большой город встретил суетой и обычной для густонаселенных мест безразличностью. То, что надо. Она медленно зашагала в сторону очередной остановки. Ей нужно добраться до центра. Именно там ее место работы.

Обычный дом, обычный подъезд со двора, в тишине от оживленного движения центральной улицы. То, что нужно. В центре города и совсем незаметно для всех. Она поднялась по лестнице на цокольный этаж одного из зданий. Вывеска над входом гласила: «Отель Эдем».

Настя прошла на ресепшен.

– О, привет Лола!

Ей ответила тучная женщина непонятного возраста. То ли она очень стара, то ли она просто перестала следить за собой последние лет десять.

– Здравствуйте, Маргарита Васильевна.

– Ты сегодня рано, хочешь попить кофе или сразу за работу?

Она мерзко засмеялась, своим смехом выражая надмен-

ность ситуации. Да, она обычный сутенер, спрятавшаяся под биркой «администратор отеля». А Настя – обычная проститутка, по прозвищу Лола.

Как она скатилась к этому? Или может все же пришла? А что ей делать, не поступившей в институт и жившей в закрытом военном городке? Идти в магазин за мизерную зарплату? Искать мужа среди военных, утопая потом в бесшабашном блядстве портового городка? Быть как сестра?

Но! Разве проституция – выход? Нет – это шанс для нее! Шанс накопить денег и покинуть это гиблое место. У нее есть план. Еще немного, немного потерпеть и он осуществится. Один растрогавшийся благодарный клиент как-то сказал ей: – Ты естественная, живая. Ты не проститутка. В тебе есть душа. Уходи, пока эта профессия не затянет тебя на дно, пока черствость мужчин не потушит в тебе огонь свободы.

Как же его звали? Возможно Леша. Она не помнила, но это и не важно. Она не потеряет здесь свою душу. У нее нет души. Душа умерла. Тогда, за пару дней до выпускного. Теперь ею правит расчет. Обычный трезвый сухой расчет. Она точно знает, что хочет, и четко знает, что для этого нужно сделать. А нужно лишь еще немного потерпеть. Потерпеть этих ненавистных мужчин. Они все одинаковы. Ими всеми движет похоть.

В ее постели побывало много разных, но до невозможности одинаковых по своей сути мужчин. Женатые, холостые, обеспеченные и бедные, красивые и очень страшные, моло-

деньские и совсем уже взрослые. Они все обречены в своей неуверенности, в своей слабости и неспособности быть мужчинами. Кто ходит к проституткам? Они все говорят, что экономят свое время, что тратят на достижение результата те же деньги. А какой результат интересует их? Постель! Вот весь результат. Секс. Секс стоит во главе их желаний. Именно его они вожделеют и готовы тратить деньги не на проведение времени с понравившейся, а возможно и любимой девушкой, они готовы тратить деньги на быстрый, доступный секс. Секс, не требующий затрат по времени. Вот что им интересно. Как же они ненавистны мне. Сотни, тысячи одинаковых, безликих мужчин.

Хотя, есть исключения. Чего стоит только недавно посетивший ее дедушка, видимо накопивший пенсионные сбережения. Казалось бы, куда ему. Но, нет. Он стойко заставил отработать все заплаченные им деньги. Или молодые ребята, обдолбанные, обкуренные, пьяные и постепенно вступающие в бесполезность, которые своими обреченными попытками пытаются показать, что они мужчины, потом чуть не плача, обвиняют в своих неудачах меня. Но хуже всех взрослые, обеспеченные, но неудовлетворенные жизнью с глубоко зарытыми в подсознании садистскими наклонностями, женатики. Они пытаются не только физически, но и морально унижить, испытывать меня. Словно я их несносная пугающая проблема из детства.

– Терпи, – постоянно твердит эта сука Маргарита.

Только и остается что терпеть.

Особое умиление доставляют те, кто влюбляются в меня, в проститутку. Ходят ко мне, как к жене. Проводят со мной больше времени, словно мы действительно созданы друг для друга. Со временем мы из постели салона перебираемся на улицу, начинаются прогулки и совместные посещения кинотеатров, кафе, ресторанов. Просят руки и сердца, обещая золотые горы. Как принц из сказки вытягивают тебя из всего этого. Один раз я повелась на такого. В самом начале этого безнравственного пути. Мы с ним стали встречаться в Большом городе. Потом стали спать у него дома, стали вместе проводить вечера, знакомиться с его друзьями. Я даже влюбилась в него, забыв обо всем. Настолько он был обходителен со мной, будто не знал, что я шлюха. Был благосклонен, боготворил меня. Несколько месяцев романтической сказки. А потом приехала его жена с детьми. Не завидую ей. Я бы не хотела такого мужа.

У меня была своя комната. Или номер. Это ведь гостиница. Кстати, неведомые хозяева очень здорово все придумали. Они открыли обычную гостиницу, с несколькими номерами. Зашедший к ним «гость» заказывал номер на час, два, или сколько ему позволяли средства, и администратор, провожая его, предлагал на выбор обслуживающий персонал, который в случае необходимости приносил гостю любую потребовавшуюся ему безделушку. Сидя в номере, он выбирал нас, по очереди заходящих служанок, или как стало модно говорить

– горничных. Естественно, одежда на нас не была установленной формы и каждая блистала по-своему, используя весь доступный арсенал эротического белья. Да, в этом отеле горничная могла быть одета в нижнее белье. Гость, сделав выбор, спокойно находился в снятом им номере. А уже выбранная им девочка-горничная, спустя какое-то время приходила, давала и выдавала ему чек на снятый номер, равный половине стоимости оказываемых услуг. В конечном счете, получалось, что за секс клиент платил непосредственно нам, таким себе нехорошим меркантильным горничным. Хозяева отеля-гостиницы оставались не при делах. Они ведь с этого даже налоги платили.

Я пару раз видела хозяйку. Она приезжала на хорошей машине в дорогой одежде. Такая независимая, высокомерная, броская. Я захотела стать такой как она. Неподконтрольной вольной женщиной, способной и имеющей возможность самой решать все за себя.

Настя разделась и подошла к зеркалу. Юное тело соблазнительно отразилось от него игривыми изгибами сексуальности. Она улыбнулась. Подошла к большой кровати и легла на нее. Прикрыла глаза.

– Еще немного. Еще совсем чуть-чуть. Держись.

Настроилась. Встала и пошла к шкафчику выбирать белье, в котором она сегодня будет встречать клиентов. Впереди четыре дня. Четыре дня разнообразия интимного мучения ее тела и очередного осквернение ее умершей души.

Настя стояла на остановке и ждала свой автобус. Сегодня было особенно холодно. Даже несмотря на то, что она тепло одета, мороз пробирался сквозь поры ткани и колол ее кожу, ее тело. Переступая с ноги на ногу, танцуя на месте, она хоть как-то пыталась согреться. Вечер. Вокруг никого. И автобус не пришел вовремя.

Сколько же всего их было, за эти четыре дня? Она давно перестала считать, хотя когда она только стала проституткой, каждый раз, возвращаясь после своей смены домой, она точно знала, сколько человек оскверняли ее тело. Да, она работала по сменам. Четверо суток, и днем и ночью. В любое время. Все, кто платил, мог иметь ее. А она, излучая своим телом молодость, наивность и неопытность – была желанным объектом, одной из самых популярных среди всех девочек. Это хорошо, это приносит больше денег. Чем больше будет мужчин, тем быстрее она выберется на поверхность.

Хотя, многие, с кем работала она, зависали уже не один год. Они черствели, абстрагировались, теряли понимание порочности их работы, становились бездушными машинами для секса. Смешно, но каждая из них считала, что чтение библии и вообще ее наличие в их комнатах будто святой оберег, очищающий от всей грязи. Библия и проститутка – это выдернутое невесть откуда клеше, требующее каждой шлю-

хе иметь при себе эту книгу. Может они все считали себя святыми блудницами?

Настя тоже пыталась ее почитать, библию. В перерывах между клиентами. Нет, эта книга не сможет ей чем-нибудь помочь.

– Эй, чего стоишь? Давай садись быстрее!

Она вынырнула из своих мыслей и оглянулась. Рядом с ней стояла какая-то иномарка. Подобного рода предложения обычно остаются без внимания, она лишь слегка дальше отходит от остановившегося самаритянина, желающего помочь. Но сегодня, сегодня она услышала знакомый голос и подошла к открытому окну и заглянула в салон.

– Привет! А ты, какими судьбами тут?

– Давай садись уже, не заноси холод.

Окно медленно начало закрываться, она открыла в дверь и залезла внутрь.

– С учебы едешь?

– Да.

Машина резко набрала скорость, и они поехали в сторону их небольшого городка.

– Я так и думал. Еду, даже не ожидал тебя увидеть тут, еле узнал. Тебя тяжело узнать, – он улыбнулся, – нарядишься как деревенская клуша.

– А ты что в Большом городе делал?

– Да по работе, по работе. Ты лучше скажи, давно мерзнешь тут?

– Ну, наверное, с полчаса уже.

– Сильно замерзла, небось? – он глянул на нее, – сейчас посильнее включу печку.

– Да, спасибо. А можно музыку громче?

– Ага, сейчас.

Салон заполнился шумом сочетания сиплого голоса и гитарного брэнчания. Шансон. Как можно слушать такое говно? Видимо он увидел легкую тень отвращения на ее лице.

– Может радио включить?

– Да, если можно.

Русская бессмысленная попса о беззаветной любви очередной восходящей звезды все же лучше, чем мужское завывание про зону и отсутствие свободы. Она чуть прикрыла глаза.

– А я наоборот, люблю песни со смыслом. Не это глупое вяканье малолеток.

Она старалась быть приветливой, но как же ей не хотелось вести разговор.

– И какой же смысл в тех песнях, что слушаешь ты?

– Как какой? Там же каждое слово пронизано мудростью, переживанием и жизнью. Вот взять хотя бы...

– Переживанием о чем? О том, что такой дурак не думал головой и попал в тюрьму? Или о том, какие плохие менты и какие достойные его сокамерники?

– Нет, ну не все же песни прямо такие. Есть очень даже. Душевные.

– А, ну да. Ну да.

– Вот ты смеешься, а лучше бы послушала. Глядишь, почерпнула бы что-нибудь для себя новенькое. Вот сейчас, вот что звучит? Это ведь бессмысленное нытье.

– Согласна. Но его хотя бы можно мимо ушей проносить. Не бьет в голову.

– Не хотите вы, молодые, думать. Лишь бы все проще.

– Ну да, шансон уж точно заставляет задуматься.

Она отвернула голову к окну, давая понять, что не очень хочет общаться. Они подъезжали к пропускному пункту. Пока ждали проверяющего документы, он нервно стучал пальцами по колесу руля.

– Ваши документы?

– Пожалуйста.

– Девушка, вы тоже свои покажите.

Она достала паспорт.

– Багажник откроете?

– Да, конечно.

Вышел из машины. Пару минут и он сел назад, завел машину, и они продолжили движение.

Он сделал музыку потише. Глухое шуршание шин, спущившаяся ночь, легкое покачивание машины на вечных ямах и выбоинах их постоянно разбитой дороги плавно ука-

чали ее, погрузив в долгожданную приятную дремоту.

Она оказалась в далекой сказочно-райской стране, где никогда не заходит солнце, воздух всегда прогрет и веет легким теплом, тень от роскошных ветвистых пальм слегка скрывает ее от палящего солнца, море светлое голубое, никогда не штормит и приятно шумит, перебирая белоснежный песок пляжа своими едва заметными прозрачными волнами, а на небе ни единого облачка. Линии горизонта нет. Она размыта, море сливается с небом образуя замкнутую бесконечность.

Тепло растекается по ее телу, она одна, в необыкновенной тишине. Боже, да, именно это место – то, что ей нужно. Все закончилось. Все. С ней ничего не было. Прошлое стерто. Оно потеряно там, в бесконечности отсутствующего горизонта. Она одна, она счастлива. Легла на песок и прикрыла глаза. Легкое прикосновение. Мурашки по всему телу. Нет, это не прибой. Что это?

Настя открыла глаза. Молниеносно исчез окружавший ее рай. Машина стояла на месте. Блеклый свет лампы слегка освещал салон. Он трогал своей рукой ее внутреннюю часть бедра, пытался гладить, но больше мял, пробираясь выше. Она попыталась дернуться, но ремень безопасности. Ноги сжаты. Она пытается руками убрать эту чужую мерзкую руку, но получает удар по лицу.

– Не дергайся, сука! Что, не нравится?

Комок в горле. Она не может ничего сказать, голос, будто покинул ее. Она испуганно молча снова пытается бороться с

его неистовыми руками. Еще удар. Кулаком. Она потерялась, голова ударилась о стекло двери.

– Ты что, тварь! Не слышишь меня?

Он дернул рычаг и ее сиденье резко отъехало назад в салон. Нависая над ней он начал срывать ее куртку, резкое движение и молния разошлась. Хватает ее за горло свитера и резко дергает. Разорвал, оголив ее тело. Сколько же в нем силы? Она снова пытается от него отбиться, бьет руками по телу, по лицу.

Недалеко от них проносится машина. За ней вторая. Он затихает. Это дало ей возможность впиться ногтями в его шею. Безумные глаза наливаются яростью. Он начинает ее бить. Удар за ударом бьет ее по лицу. Противостоять невозможно. Боль. Шок. Сознание покидает ее.

Она лежит на земле, на шерстяном одеяле. Ноги беспорядочно раскинуты в стороны. Она раздета. Полностью. Сколько она была без сознания? Почему не чувствует холода?

Он навис над ней и иступленно яростно трахает ее. Она не может открыть глаза, они залиты кровью. Он кусает ее губы, с силой одной рукой сжимает ее грудь, словно пытается оторвать ее. Она застонала. Но скорее не от боли. От отчаяния. От непоправимости произошедшего. От безвыходности.

– А, сука!

Он еще яростнее стал двигаться, схватив ее за горло.

– Что, тварь, нравится? Думаешь, я не знаю? Все я про вас

знаю! Не скроетесь от меня! Достану везде.

Она стала задыхаться.

– Да, сука! Я столько времени все терпел ради этого! Нравится?

Он снова ударил ее по лицу.

– Чего молчишь, отвечай мне!

Слов не было. Он начал бить ее, раскидывая удары по телу.

Она так и не поняла, кончил он или нет. Он слез с нее и подошел к машине, мгновение и опять его мерзкое дыхание возле ее лица.

– Думаешь, ты сможешь меня перехитрить? Наказать? Или захочешь рассказать, что я с тобой сделал. Открой глаза, сука, посмотри на меня!

Пощечина. Безысходность. Кровь щиплет чуть приоткрытые глаза. Сквозь густые ресницы она видит лишь силуэт, который словно тень нависал над ней. Полная луна висела на небе, озаряя своим свечением. Ни единого облака.

Она знала, что это конец. Они знакомы. Он уверенно шел на это и наверняка доведет начатое до конца. Сверкнувший перед ее лицом нож не стал неожиданностью.

– Ну что, как он тебе?

Он все так же нависал над ней, смотрел ей прямо в лицо, пытаясь поймать ее взгляд, впитывал каждое движение мимических мышц на лице. Холодная сталь медленно проникала в ее плоть. Она напряглась, все тело сжалось невообра-

зимой судорогой боли, отразившейся на ее лице. Глаза широко открыты. Ее взгляд кричал сумасшедшей смесью невыносимой боли и отчаяния. Легкий стон вырвался из ее горла. Тишина. Хрипящий вдох, в попытках хоть немного втянуть в себя воздуха.

Он выловил ее взгляд и начал всасывать в себя все ее страдание и боль. И он застонал. До основания вогнал лезвие ей в живот. Вытянул его и стал резко вонзать в ее недвижимое тело, судорожно бьющееся от каждого удара ножом. Он стоял и это был стон удовольствия.

Где-то вдаль громко заиграла музыка, постепенно приближаясь, настолько, что можно было разобрать слова. Недалеко остановилась машина. Он притих. Смех вышедших из нее и их громкие разговоры вернули его в реальность. Он вскочил и выдернул из-под нее одеяло. Ее тело оказалось на земле, приняв неестественную безжизненную позу. Пару мгновений и его машина стремительно исчезла в темноте.

Тонкое прерывистое дыхание. Мозг не может заставить двигаться обессиленное тело. Инстинкт побуждает с каждым выдохом изгонять хрип, меняя его на стон. Громче. Громче. Еще громче.

Голоса смешались со смехом, растворились в музыке. Звук отдаляющейся машины увозил радостные песни в сторону суеты городской жизни, оставляя во мраке обеленной луной ночи прерывистый, все нарастающий страшный неживой стон, пронизывающий сильнее холода.

3

– Слушай, ты совсем не изменился! Все такой же хмурый и недовольный.

– Зато ты изменился. Уши немного подросли.

Мы едем на заднем сиденье такси, покидая Большой город со своими естественными заторами машин, огромным скоплением народа и быстротой современной жизни. Искрящиеся вывески с рекламой, большие магазины и кинотеатры, кафе и рестораны, боулинги и прочие развлечения которого так манят, то, ради чего люди тратят свои силы, свое время, свою жизнь. Работа ради человеческих слабостей, удовольствие ценой в потраченную жизнь. Такова формула современного счастья.

– Остановишься у меня.

– В смысле у тебя? Так я же в командировке, какую-никакую, а гостиницу Министерство мне оплатит

– В том то и дело, что никакую. У нас одна, весьма привлекательная. Если любишь живность и кормить клопов, то туда самое место.

– Ну что же, в этом безусловно что-то есть.

– Не заморачивайся. Поживешь у меня, а гостиницу я тебе сделаю. Чеки выпишут, так что казенные деньги лучше потратить на что-нибудь нужное.

– Так я вроде как сам приехал проверять сохранность ка-

зенного имущества.

– Контора плохого не посоветует!

Он засмеялся.

Мы выехали из города и дорога оказалась с двух сторон зажата небольшими холмами, заставляя водителя вилять из стороны в сторону на заснеженной дороге. Густо осыпанные снегом деревья, согнуты к земле под этой замороженной массой, словно из какой-нибудь сказки про новый год.

– А тут есть животные? Зайцы, волки, медведи?

– Только олени. Которые по пьяни лезут на сопки и потом замерзают там. А еще одичавшие от голода собаки. Недавно загрызли одного такого вот оленя.

– Сказочное место.

– Да, здесь своеобразно. Надо привыкнуть. Понять. А потом, как поймешь – ехать отсюда, куда глаза глядят!

Он опять засмеялся. Здорово всегда быть в хорошем настроении. Я еще с училища завидовал этой особенности своего друга.

– Ты знаешь, этот город, это – край земли – очень интересное место. Тут время делает какие-то незабываемые кульбиты. Оно может словно в ожидании чего-то замереть, а может лететь как молния. Ты можешь перенестись в будущее на несколько недель вперед, и заснув завтра проснуться во вчерашнем дне. Я еще до сих пор так и не уловил ход времени здесь. Разве что когда месяц сменяется луной и наоборот – я понимаю что время не остановилось.

Он философски задумался и посмотрел в окно.

– Слушай, а как же Ирина?

– Какая?

– Что значит какая? Жена твоя!

– А! Вот ты о ком! Так мы уже лет пять как не вместе.

– Развелись?

– Да, естественно сделали это. Ты понимаешь, она с самого начала не хотела ехать сюда. И замечательно находились вполне естественные предлоги для этого. То она доучивалась, то я по морям. От силы пару месяцев в год виделись. Сам понимаешь, что это за жизнь? Тем более мы не святые, понимаешь, о чем я? Ну, а когда я в Контору перешел, у нее причин не приезжать больше не было, так она собственно и не приехала. Без причины. Решили полюбовно. Так вроде это называется.

– Мне она никогда не нравилась.

– Да ладно тебе заливать. Девочка то эффектная. Ей действительно здесь делать было нечего. Жаль, что не сразу все это понял.

Дорога перестала петлять, и мы выскочили из-за холмов на возвышенность, внизу которой серым размытым пятном на белоснежном фоне тускнел город. Еще дальше прямо за ним, темно синим холодом отражалось море.

– Слушай, а почему ты до сих пор не обзавелся собственной машиной?

– Так мне ее некогда будет водить. Я же постоянно пью.

Смех. Да, он никогда не унывает.

– Так, раз у тебя живем, то вези сначала к себе. А то вдруг меня помятым и грязным в Управление не пустят.

– Вот тебе ключи. Я на работу, а ты пока в порядок себя приведешь. Машина будет ждать внизу. Управление он тебе покажет. Ну а вечером посидим.

Серость. Серость и тоска. И нежная белизна снега вокруг. Его дом стоял на окраине города, на самом въезде. Без двора и признаков каких-либо площадок для детей. Дом. Дорога уходящая вниз. И возле одного из подъездов лестница, уходящая туда же, куда и дорога. К центру города и к причалам кораблей.

Квартира всем своим видом давала понять: здесь живет холостяк, а женщины тут бывают разве что ночью. Нельзя сказать, что был полный погром и срач. Нет. Чувствовалось, что периодически тут что-то убиралось. Но не было в квартире уюта. Коридор – вешалка, кладовка – коробки, комната – два дивана и телевизор, кухня – стол и два стула, умывальник и немытая посуда. Если это хороший вариант, какая же здесь гостиница?

Водитель действительно ждал у входа, когда я вышел. Я переоделся, одел военную форму, и он не сразу понял, что ждет именно меня.

– Поехали в Управление службы безопасности.

Первое впечатление не обмануло. Город действительно отторгал своей мрачной серостью, обливал грязью мои надежды на то, что тут можно хоть и недолго жить. От него веяло тоской. Хмурые люди. Бесконечно пустые окна. Даже обычно яркая вездесущая реклама будто сделана тусклыми красками. Небо свинцовой мглой низко спустилось над городом, закрывая его жителей от солнца. Как же здорово, что я тут всего на три недели. Сделаю свою работу и назад, домой. В Столицу.

Собственно, сюда я был направлен с целью проверки одного из множества соединений кораблей, на предмет рационального расходования бюджетных денег. Я еще в училище понял, что воруют если не все, то многие. За пять лет моего становления посадили четырех наших начальников, которые непосредственно были связаны с тем или иным имуществом. За воровство, конечно же. На моем втором курсе посадили финика. Начальника финансовой части. Вместе с его заместителем. Они задерживали выплату зарплаты, недели, месяцы. Эти деньги шли на закупку за рубежом автомобилей, которые перегонялись в страну и перепродавались. На третьем посадили начальника вещевого склада. Официально Министерство не обеспечивало училище формой в нужном объеме. Неофициально, начальник вещевого склада, содержал магазин с этой самой формой, формой выданной Министерством. Ну и продавал ее нам же. На четвертом нако-

нец-таки посадили начальника столовой. Там у него много чего набежало: и расхищение выделенных на ремонт столовой денег, махинации с поставками продовольствия в училище и, собственно, воровство продуктов. Его и взяли-то, когда он в очередной раз вывозил из училища битком набитый мясом свой старенький микроавтобус. Когда его посадили, мы особенно радовались. Кормили нас действительно крайне отвратно. Тогда же, на четвертом курсе, отстранили от должности начальника тылового обеспечения. Он что-то там выдумал с обеспечением учебных классов: деньги на новые парты, стулья и доски были потрачены на что-то другое. Его понизили до начальника автомобильного батальона. А на пятом курсе посадили за воровство топлива. Тогда мы поняли, почему все пять лет зимой снег убирали курсанты лопатами, а не предназначенные для этого снегоуборочные автомобили.

И это официально. Сколько было покрытых, не высвеченных наружу деяний не знает, наверное, никто. Например, денежные эквиваленты за «хорошее» увольнение в город были нормой во всех ротах училища.

Начальник училища, боевой адмирал, что есть силы старался бороться с воришками. Мне он нравился. Гордый, строгий, человек слова. Спустя два года после выпуска я узнал, что и его посадили. Продал кусок земли училища под строительство автозаправки.

Жизнь убедила меня, что воровство происходит не только

в армии. И проблема страны вовсе не в дорогах и дураках. В воровстве и дураках. Уж очень глубоко оно разместилось. Внутри каждого из нас посеяно зерно, зерно желания легкой наживы. У кого-то оно прорастает в шикарное дерево или небольшой кустик, кто-то еще держится. Кто посеял в нас эти зерна? Да мы сами и посеяли! Потому что дураки!

Машина подъехала к Управлению. Я вышел, расправив замятые полы шинели, и вошел внутрь. На проходной предъявил документы, меня направили на третий этаж.

– Доброе утро!

Я отворил дверь и вошел. В кабинете стояли два стола, за одним сидел худошавый майор, оценивший меня хмурым взглядом. За другим столом какая-то девушка, видимо помощница.

– Капитан 3 ранга Мельков Александр Евгеньевич, приехал к вам с проверкой четвертого соединения кораблей.

– А, это Вы! Здравствуйте, проходите! Давно уже Вас ждем. Со вчерашнего вечера.

Он приторно заулыбался и, встав из-за стола, подошел ко мне. Весь как на шарнирах, несуразный с неестественно длинными ногами, словно циркуль в два шага проскочил кабинет и протянул мне руку. Я не сомневался, что у него потная ладонь. Иногда интуиция не обманывает меня.

– Лидочка, быстренько сделайте нам два кофе.

Я сижу напротив него. Изучаю прическу. Почти наголо выбритые виски и затылок, но на макушке расположились торчащие в разные стороны засаленные волосы. Будто он не мыл голову несколько дней.

– Вы не стесняйтесь, Александр Евгеньич! Возьмите, возьмите конфеты. Они бесподобные.

– Спасибо, я не ем сладкого.

– Это вы зря, там же углеводы и прочая вкусная гадость.

– Юрий Викторович, давайте может ближе к делу?

Он изменился в лице, стал более серьезным. Чуть придвинулся ко мне.

– Хорошо, я люблю деловых людей. Надеюсь, вы именно такой. Давайте начистоту. Вы приехали проверять не меня, а вместе со мной. Я под вашим руководством. Надеюсь, вы еще там изучили, с кем будете работать. Интересов здесь у меня нет. Зато есть интерес уехать отсюда к вам в Столицу. Поэтому, я надеюсь, мы с вами будем работать в одной упряжке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.